

МАНФРЕДЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ВЪ 3 ДѢЙСТВІЯХЪ,

Байрона.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Манфредъ, графъ.
Горный охотникъ.
Аббатъ Св. Морница.
Мануэль }
Германъ } служители Манфреда.
Дѣва горъ
Меленда.
Духи.
Барин.

Дѣйствіе происходитъ въ Альпахъ: частью въ замкѣ Манфреда, частью въ горахъ.

Дѣйствіе I.

СЦЕНА I-я.

(ГОТИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ; ПОЛНОЧЬ).

МАНФРЕДЪ (одинъ)

† Наполню лампу вновь, но не дождется
Она минуты той, когда засну я.
Мой сонъ не просто сонъ, не просто греза,
Но продолженье мысли безконечной,
Которая ничѣмъ не отразима.
Мой духъ не спитъ: глаза я закрываю,
Чтобъ посмотреть, что дѣлается въ сердцѣ...
И я живу, какъ человекъ дышу я, —
Во мнѣ его подобіе и образъ!..

Отд. I.

1

Странаніе! ты лучший нашъ учитель;
 Печаль для насъ — глубокая наука.
 Кто могъ во все умою своимъ проникнуть,
 Тотъ истину встрѣчаетъ воплемъ скорби,
 И знаніе — ему не древо жизни.
 Чтò въ знаніи? Я былъ мудрецъ, философъ,
 Я разгадалъ всѣ таинства природы,
 Все необъятное обнялъ мой разумъ —
 И все напрасно было. Въ этомъ мірѣ
 Я расточалъ добро, я въ людяхъ даже
 Добро нашелъ — но это все напрасно...
 Встрѣчались мнѣ враги, — не побѣдили
 Они меня, но раздавилъ я многихъ —
 Напрасно все!.. Вокругъ добро и злоба,
 Волненья, страсти, все, что сродно людямъ,
 Съ минуты нежданной мнѣ, ложилося
 На грудь мою, какъ дождь въ пустынѣ мертвой.
 Боязнь мнѣ незнакома. Нѣтъ проклятѣя
 Ужаснѣе: не знать движеній страха,
 Ласкъ нѣжности, не чувствовать желаній,
 Или любви къ кому-нибудь хоть въ мірѣ.
 Довольно ждать!

Таинственные силы!

Вы, призраки незримые вселенной,
 Которыхъ я искалъ во тьмѣ и свѣтѣ!
 Изъ нѣдръ земли, изъ областей эфирныхъ,
 Изъ омутовъ бездонныхъ океана,
 Съ высокихъ горъ, закланіемъ суровымъ
 Я васъ зову! явитесь предо мною!

(молчаніе)

Васъ именемъ первѣйшаго надъ вами
 Зову къ себѣ; васъ закланяю знакомъ,
 Который страшень вамъ; клянупо той силой
 Которая безсмертна! выходите!

(молчаніе)

А!.. вы противитесь!.. Но я заставлю
 Повиноваться васъ! могучей властью
 И клятвою ничѣмъ неотразимой,
 Которой я не испыталъ надъ вами,
 Той клятвою, родившейся когда-то
 На проклатой разрушенной кометѣ,
 Блуждающей въ безгранномъ царствѣ ада, —
 Прокланіемъ, на мнѣ отяготѣвшимъ,
 И мыслю, во мнѣ живущей, — духи.
 Я васъ зову! явитесь же покорно!

(*Въ темномъ углу галереи показывается звезда и останавливается неподвижно. Слышенъ поющий голосъ*)

Первый духъ.

Изъ заоблачнаго міра,
Гдѣ безсмертною весной,
Лишь дыханіе эфира
Мнѣ служило пеленой,
Гдѣ денница свѣтомъ алымъ
Расцвѣтила мой пріютъ,
Гдѣ душистымъ опахаломъ
Тучки таютъ и плывутъ, —
Зову смертнаго послушный,
Для него, на краткій срокъ,
Я оставилъ свой воздушный,
Свой серебряный чертогъ
На лучѣ звезды блестящей
И примчался въ этотъ край....
Смертный, помощи просящій,
Что ты хочешь? отвѣчай!

Второй духъ.

Коронованный горами,
Гдѣ на солнцѣ — снѣгъ румянь,
Бѣлой тучей весь закутанъ,
Возвышается Монбланъ.
Стань его лѣса обвили,
И, теряясь въ облакахъ,
Смертоносныя лавины
Держитъ онъ въ своихъ рукахъ.
Но, когда, порой, надъ міромъ
Онъ подниметъ снѣжный шаръ, —
Я скажу — замреть на взмахѣ
Заколдованный ударъ.
Прикажу — и мнѣ покорна
Эта масса снѣжныхъ льдинъ;
Я велю — летятъ обвалы
Съ ледяныхъ своихъ вершинъ.
Я зовуся горнымъ духомъ,
Захочу — и ихъ хребты
Срыть могу до основанья, —
Такъ чего же хочешь ты?

ТРЕТИЙ ДУХЪ.

Въ бездонной, прозрачной пучинѣ,
 Гдѣ спитъ голубая волна,
 Гдѣ ползаютъ гады морскіе,
 Гдѣ вѣчно царитъ тишина,
 Гдѣ жемчугъ влетаютъ русалки
 Въ зеленяя пряди кудрей,
 Стоитъ мой кораловый замокъ.
 Я духъ, я властитель морей.
 Твой вызовъ послушное эхо
 Домчало въ мою глубину,
 Зачѣмъ же тревожишь меня ты
 И сонную будишь волну?

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

Тамъ, гдѣ подземные раскаты
 Земныя нѣдра шевелятъ,
 Гдѣ мечетъ бѣшеная лава
 Свой огнедышущій каскадъ,
 Гдѣ корни Андъ вросли глубоко
 И крѣпли многіе вѣка,
 А ихъ зубчатая вершина
 Взбѣжала гордо въ облака,—
 Тамъ я услышала заклинанье,
 Къ твоимъ призывамъ не былъ глухъ.
 Что нужно дѣлать? Прикажи мнѣ:
 Исполнить все подземный духъ.

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

Повелитель вѣтровъ, грозъ и бурь великанъ,
 Заставляя я ревѣть океаны.
 Я летѣлъ, а за мною бѣжалъ ураганъ
 И мой слѣдъ заметали бураны.
 На крылѣ непогоды я мчался сюда
 По призыву таинственной власти,
 Мнѣ навстрѣчу попались морскіе суда:
 Мачты новыя, свѣжія снасти...
 Но клянуся, что въ ночь, до восхода зари,
 Утоплю корабли я въ пучинѣ....
 Смертный! звалъ ты меня, говори жъ, говори,
 Чѣмъ служить могу смертному нынѣ?

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

Тѣнь мрака, тѣнь ночи ты вызвалъ на свѣтъ,
Зачѣмъ же тревожилъ меня — дай отвѣтъ.

СЕДЬМОЙ ДУХЪ.

Въ дни первобытнаго и дѣвственнаго міра
Твою планету я зажегъ среди эфира.

Иной звезды съ такимъ прозрачно-чистымъ свѣтомъ
Еще не видѣли на темномъ небѣ этомъ.

Сверкая и блестя, какъ лучшій перлъ вселенной,
Она текла въ выси стезею неизмѣнной,

Но пробилъ казни часъ: сіянье отлетѣло
И вдругъ проклятіе на ней отяготѣло,

И понеслась она съ своей зловѣщей славой,
Безъ сферы, безъ путей, кометою кровавой,

Чудовищемъ небесъ, позоромъ всей природы,
Своимъ теченіемъ вездѣ страха народы...

И ты, родившійся при свѣтѣ той кометы,
Червякъ ничтожества, сказать что можешь мнѣ ты?...

★ Тебѣ покоренъ я, я повинуюсь, — знаю, —
★ Но повинуюся, тебя я презираю...

Такъ, здѣсь, среди духовъ, склонившихся отъ страха,
Что просишь у меня ты, сынъ земли и праха?

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Звѣзды, воздухъ, горы, вѣтры,
Духи неба и земли,
Смертный! все тебѣ покорно —
Ждешь чего ты? повели.

МАНФРЕДЪ.

Хочу забвенія.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Чего? О чемъ же?

Манфредъ (указывая на свою грудь)

Того, что здѣсь, и что назвать нѣтъ звука.
Узнаешь самъ въ мое взглянувши сердце.

Духъ.

Мы можемъ дать лишь то, что въ нашихъ силахъ.
Проси у насъ владычества надъ міромъ,
Толпу рабовъ, сокровищъ драгоценныхъ,
И надъ природой власти безграничной
Проси у насъ, — все это въ нашей волѣ
И все — твое...

Манфредъ.

Забвенія мнѣ дайте,
Самозабвенія! О, неужели
Его-то и не могутъ дать мнѣ духи?

Духъ.

Его? О, нѣтъ, оно не въ нашей власти,
Но пожелай, и умереть ты можешь.

Манфредъ.

Но смерть сама забвеніе мнѣ дастъ ли?

Духъ.

Безсмертному забвенью незнакомо.
Прошедшее слилось для насъ съ грядущимъ;
Намъ нѣтъ часовъ — у насъ есть только вѣчность.
Вотъ нашъ отвѣтъ.

Манфредъ.

Не смѣйтесь! вы рабы лишь,
Повелѣвать которыми могу я,
Не вамъ шутить надъ непреклонной силой.
Во мнѣ живъ духъ и искра Прометея,
Горящая тѣмъ высшимъ, чистымъ свѣтомъ,
Что вамъ самимъ даетъ существованье.
Я равенъ вамъ, хоть плоть моя изъ праха.
Отвѣйте же, или горе непокорнымъ.

Духъ.

Все нами сказано. Ищи отвѣта
Въ своихъ словахъ.

МАНФРЕДЪ.

Въ словахъ своихъ? зачѣмъ же?

Духъ.

Ты говоришь, что равенъ намъ, а всѣ мы
Такъ созданы, что незнакомы съ чувствомъ,
Которое зовется въ мѣръ смертью.

МАНФРЕДЪ.

Зачѣмъ же звалъ я васъ, когда помочь мнѣ
Вы не умѣете, или не хотите?

Духъ.

Проси у насъ возможнаго. Подумай,
Иль отпусти скорѣе. Власть и силу,
Покорность странъ дадимъ мы, если хочешь,
Иль продолженье дней твоихъ...

МАНФРЕДЪ.

Проклятье!

О, будьте прокляты! Что въ вашихъ дняхъ мнѣ?
И безъ того они ужасно длинны.
Идите жъ прочь...

Духъ.

Не горюпись! быть можетъ,
Тебѣ полезны будутъ наши силы,
И новое откроется желанье
Въ твоей душѣ... Подумай же немного.

МАНФРЕДЪ.

Желаній нѣтъ. Но, погодите—прежде,
Чѣмъ пропадете вы,—хоть на минуту
Вы въ образахъ явитесь предо мною.

Звукъ вашихъ голосовъ ловлю я жадно,
 Какъ музыку, чарующую въ морѣ,
 Но вмѣсто васъ въ пространствѣ вижу ясно
 Одну звѣзду—и только. Покажитесь
 Передо мной вы въ настоящемъ видѣ.

Духъ.

Жизльцы стихій, мы формы не имѣемъ,
 Но пожелай, и выбери лишь форму
 И предъ тобой мы явимся въ томъ видѣ.

Манфредъ.

Гдѣ жъ выбрать? я формъ не видѣлъ въ мѣрѣ
 Достойныхъ отвращенія или восторга;
 Такъ пусть теперь первѣйшій духъ межъ вами
 Здѣсь явится въ какой угодно формѣ.

Седьмой духъ (*принимая видъ прелестной женщины*).

Я здѣсь. Смотри!..

Манфредъ.

О, Боже мой! Когда бы
 Прелестный призракъ не былъ лишь обманомъ,
 Насмѣшкою фантазій капризной,
 Я быль бы счастливъ снова... О, позволь мнѣ
 Тебя обнять... съ тобою вновь...

(*призракъ исчезаетъ*)

На части

Мнѣ разорвало сердце...

(*Манфредъ падаетъ безъ чувствъ,
 слышенъ заклимающій голосъ*).

Голосъ.

У Когда луна въ волнахъ трепещетъ,
 Червякъ на листьяхъ засвѣтилъ,
 И огонекъ болотный блещетъ,
 И тѣни бродятъ вокругъ могилъ,
 Когда звѣзда съ небесъ спадаетъ
 И эхо чутко повторяетъ
 Совиный крикъ, совиный свистъ,

Когда въ вѣтвяхъ не дрогнетъ листь,
Тогда владѣть духъ бессонный
Твоей душою непреклонной.

* *
*

Пусть не отходитъ сонъ съ лица,
Но онъ души твоей не тронетъ:
Есть мысли—ихъ никто не согонитъ,
Есть тѣни—нѣтъ для нихъ конца.
Хранимъ таинственной судьбою,
Наединѣ съ самимъ собою
Ты не пробудешь двухъ часовъ,
И словно ризой облаковъ
Ты обовѣшься властью новой,
Всегда ревнивой и суровой.

* *
*

Хоть не найдетъ меня твой взоръ,
Но ты почувствуешь, что всюду,
Тебѣ во слѣдъ ходить я буду.
Вездѣ безсмѣнно съ этихъ поръ,
Когда жъ меня тревожнымъ взглядомъ
Ты не найдешь съ собою рядомъ —
Не довѣрайся силѣ глазъ —
Вблизи скажусь тебѣ тотчасъ
И тайный страхъ твой, обнаружась,
Переродится въ явный ужась.

* *
*

Тебя проклятью обрекли
Въ волшебныхъ пѣсняхъ духи міра;
Тебя ~~жестители~~ зѣира
Вкругъ, какъ змѣями, оплели,
И вѣтра яростные звуки
Къ тебѣ одинъ приносятъ муки;
Ты до утра въ глухую ночь
Тоски не можешь превозмочь,
Тебѣ денница надоѣла
И солнца лучъ не грѣетъ тѣла.

* *
*

Изъ слезъ твоихъ я выжму ядъ;
Изъ этой груди непокорной
Я вырву сердце съ кровью черной,

Я выпью твой змѣнный взглядъ
 Съ неумолимой злобой ада;
 Сорву съ лица улыбку гада,
 Твоею кровью обагрю,
 И ядъ убійственный сварю:
 Изъ всѣхъ отравъ и ядовъ свѣта
 Ужаснѣй всѣхъ отравъ эта. ✕

* *
 *

Клянупо тебя твоимъ же зломъ,
 Твоею неправдою безмѣрной,
 Твоею улыбкой лицемерной,
 Лукавымъ, каннскимъ умомъ, ✕
 Твоею властiю огромной
 И добродѣтелью заемной,
 Твоею двуличною слезой
 Надъ человѣческой судьбой —
 Клянупо тебя твоимъ же ядомъ: —
 Вѣкъ самъ себя ты будешь адомъ.

* *
 *

✕ Отравой гнусной окропленъ,
 Тебѣ мученье сердце сгложетъ,
 И смерть сойдти къ тебѣ не можетъ,
 И не слетитъ покойный сонъ;
 И проклятiя жизни силы
 Напрасно будутъ ждать могилы....
 Терзая, муча и губя
 Кладу проклятье на тебя.
 Конецъ! Свершилось заклинанье:
 ✕ Живи жъ для скорби и страданья.

СЦЕНА II-я.

(ГОРА ЮНГЪ-ФРАУ; УТРО).

МАНФРЕДЪ (одинъ на скаль).

Я вызывалъ духовъ—они исчезли;
 Наука волшебства мнѣ измѣнила,
 И вмѣсто благъ дала одни терзанья,
 И больше къ ней я прибѣгать не стану.

Что можетъ дать она? Ей непокорно
 Прошедшее, а будущее скрыто
 Подъ черной тьмой: тутъ знаніе безсильно....
 О, мать—земля! ты, утро золотое,
 Вершины горъ, зачѣмъ вы такъ прекрасны?
 Зачѣмъ теперь любить васъ не могу я?
 Ты, солнце лучезарное вселенной,
 Равно для всѣхъ готовое на ласки,
 Ты сердца моего ужъ не согрѣешь...
 Вы, скалы дикія! Съ вершины вашей
 Передо мною пропасти открыты,
 Бѣгутъ ключи въ зіяющія бездны,
 И съ высоты, гдѣ голова кружится
 При видѣ необъятнаго пространства,
 Гигантскій лѣсъ мелькаетъ, какъ кустарникъ...
 Одинъ прыжокъ отсюда, шагъ—не больше—
 Одно движеніе вѣтра—я довольно,
 Чтобъ эти скалы стали мнѣ гробницею,
 И я бѣ уснулъ... Зачѣмъ же я такъ медлю?
 Я смерть зову—но къ ней неиду навстрѣчу,
 Хочу прыгнуть,—но недвижимъ стою я,
 Прикованный къ скалѣ какой—то властью,
 И эта власть меня связала съ жизнью.
 А что мнѣ жизнь? Слѣпая немощь духа,
 Сознаніе своихъ неправыхъ дѣйствій,
 Безсилье зла, безсильнаго на дѣло,
 Холодный гробъ, въ который трупъ мой брошенъ....:

(Надъ его головой пролетаетъ орелъ)

Пернатый царь заоблачнаго царства!
 Ты, чье крыло такъ часто видитъ небо,
 Не даромъ пролетѣлъ ты надо мною:
 Мой прахъ твоей добычей скоро будетъ,
 И обращусь я въ ужинъ твой кровавый!..
 Но ты опять взвился и потерялся
 Тамъ, въ синевѣ небеснаго пространства,
 Откуда все твоимъ открыто взорамъ...
 А вокругъ такъ хорошо! Все въ этомъ мірѣ
 Течетъ спокойно, ровно, безконечно,
 А мы—его цари и лже-владыки,
 Часть божества въ смѣшеніе съ частью праха—
 Равно безсильные—подняться кверху
 Иль внизъ упасть,—мы, двойственной натурой
 Гармонію природы оскорбляемъ.
 Въ насъ гордость съ униженіемъ ходитъ рядомъ,

И подлѣ благороднаго поѣва
 Въ насъ шевелятся низкія желанья.
 И, наконецъ, похищенные смертью
 Становимся мы тѣмъ, о чемъ не смѣемъ
 Признаться и украдкою другъ другу.

(Вдали слышенъ звукъ рожка)

Чу! звукъ рожка!.. Не мифъ—патріархальность
 Среди этихъ горъ,—здѣсь звукъ простой свирели
 Несется звонко въ воздухъ свободномъ,
 Сливаясь съ колокольчиками стада.
 Мнѣ прямо въ сердце рвутся эти звуки....
 О, какъ бы я хотѣлъ летать въ пространствѣ
 Живой гармоніей, или пѣсней нѣжной,
 Хотѣлъ бы я родиться только звукомъ
 И звукомъ же по воздуху растаять.

Горный охотникъ (поднимаясь на скалу)

Сюда прыгнула лань. Подъ самымъ носомъ
 Она передо мною промелькнула,
 И, быстроногая, надула славно,
 И вотъ за грудь опасный, и тяжелый
 Останусь я, пожалуй, безъ добычи.
 Но что это? Я вижу человека,
 Достигшаго такихъ вершинъ, которыхъ
 Не достигалъ и лучшій нашъ охотникъ.
 Но онъ не изъ простыхъ,—одѣтъ богато,
 Въ лицѣ—безстрашіе, во взорѣ—гордость
 Привыкшаго къ свободѣ гражданина.
 Я ближе подойду къ нему....

Манфредъ

Быть вѣчно

Покрытымъ сѣдиною отъ печали,
 Расколотымъ, подобно этимъ соснамъ,
 Которыя, изломанныя бурей,
 Среди ущелій трупамъ упали.
 И быть такимъ, не бывъ такимъ когда-то!..
 Глубокія морщины на челѣ мнѣ
 Не годы провели,—минуты скорби,
 Часы страданій лютыхъ и ужасныхъ.
 Вы, скалы снѣжныя, лавины ледяныя,
 Которымъ нуженъ только шелестъ вѣтра,
 Чтобы низринуть каменные груды,

Сорвитесь же, и прахъ мой раздавите.
 Вокругъ меня вездѣ ревутъ обвалы
 Грозой долины и роць, одѣтыхъ въ зелень,
 Пастушескихъ жилищъ, убогихъ хижинъ,
 И давятъ тѣхъ, которымъ жить хотѣлось,
 Но лишь меня не трогая минуютъ.

Охотникъ.

Туманы поднимаются все выше.
 Ему я дамъ совѣтъ—съ горы спуститься,
 А иначе сломать онъ можетъ шею.

МАНФРЕДЪ.

Вкругъ ледниковъ, клубясь, плывутъ туманы;
 Ихъ сѣрный дымъ взлетаетъ надо мною
 Съдою пѣной бѣшенаго моря,
 Когда отъ рева волнъ весь берегъ стонеть,
 Какъ будто бы отъ вздоховъ чловѣка...
 Я весь горю...

Охотникъ.

Мнѣ нужно осторожно
 Къ нему подкрасться сзади, а не то онъ
 Малѣйшимъ шумомъ можетъ быть испуганъ...
 Онъ, кажется, дрожитъ теперь...

МАНФРЕДЪ.

Я знаю:

Бывали дни—и рассыпались горы;
 До облаковъ всходившія вершины,
 Летѣли въ прахъ, окрестность потрясая
 И изрыгая вкругъ себя обломки.
 Потоки рѣкъ серебряною пылью
 Мгновенно рассыпались, и мгновенно
 Себѣ русло другое пробивали.
 Такъ пала Розенбергъ—гора когда-то...
 Зачѣмъ же тамъ не могъ я быть въ то время,
 Чтобы погибнуть въ общемъ разрушеніи?...

ОХОТНИКЪ.

Пріятель, берегись! Твой путь опасенъ;
Здѣсь что ни шагъ—опасность предъ тобою.
Прошу тебя: надъ пропастью не стой ты.

МАНФРЕДЪ *(не слушая его)*

Тамъ для себя я тихій гробъ нашель бы
И для костей приютъ нашель бы вѣчный.
А вотъ теперь, когда я брошусь въ бездну,
По скаламъ разлетятся эти кости
Игрушкою вѣтровъ и непогоды...
Прощайте жъ, небеса! О, не смотрите
Вы на меня теперь съ такимъ укоромъ,
А ты, земля, прими мои останки.

(Хочетъ броситься со скалы, но охотникъ схватываетъ и удерживаетъ его однимъ движеніемъ).

ОХОТНИКЪ.

Безумецъ! стой! Хоть жизнь тебѣ постыла,
Но этихъ чистыхъ скалъ не обагряй ты
Своей преступной кровью. Нѣтъ, за мною
Теперь ступай,—тебя я не оставлю.

МАНФРЕДЪ.

Я чувствую, что кровь во мнѣ застыла...
Оставь меня, оставь... я слабъ... не вижу
Здѣсь ничего... вокругъ горы точно пляшутъ....
Но кто ты самъ?..

ОХОТНИКЪ.

Узнаешь это послѣ.

Иди за мной,—вкругъ облака темнѣютъ—
Вотъ такъ,—склонись ко мнѣ теперь, не бойся,—
Сюда, сюда,—на палку опирайся—
Вотъ дерево—рукой схватись за вѣтви,—
Дай руку мнѣ—держись за поясъ крѣпче—
Потяше—не спѣши,—намъ недалеко
Съ тобой идти,—опасность миновалась—

Мы вышли на знакомую тропинку.
 Ступай,—вотъ такъ—вотъ такъ—идешь ты бодро,
 Какъ опытный охотникъ. Ну впередъ же!..

(Спускаются со скалы. Ночь).

КОНЕЦЪ 1-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

СЦЕНА I-я.

ХИЖИНА ВЪ БЕРНСКИХЪ АЛЬПАХЪ.

Манфредъ и Горный охотникъ.

Охотникъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не торопись,—начать дорогу
 Тебѣ нельзя,—ты слабъ еще, безмялень.
 Покуда отдохни, а тамъ готовъ я
 И проводить тебя; скажи лишь только
 Куда...

Манфредъ.

Напрасный трудъ! Мнѣ путь извѣстенъ,
 И проводникъ не нуженъ будетъ вовсе.

Охотникъ.

По виду твоему и по одеждѣ
 Въ тебѣ призналъ я одного изъ знатныхъ
 Владѣтелей тѣхъ неприступныхъ замковъ,
 Которыхъ много здѣсь. Такъ гдѣ жъ твой замокъ?
 Я человекъ простой—и очень рѣдко
 Случалось мнѣ бывать въ парадныхъ залахъ,
 Но всѣ тропинки къ нашимъ замкамъ
 Я съ дѣтства изучилъ,—лишь укажи мнѣ мѣсто—
 Я проведу тебя.

МАНФРЕДЪ.

Не беспокойся.

ОХОТНИКЪ.

- Прости мнѣ любопытство и вопросы,
И будь повеселѣе хоть немного.
Вотъ выпей моего домашняго вина ты,
Которое не разъ меня спасало
Средь ледниковъ, гдѣ я дрожалъ отъ стужи.
Вино мое тебя согрѣетъ тоже.
Ну, чокнемся.

МАНФРЕДЪ.

Прочь отъ меня! Не нужно!
Я вижу кровь, кровь по краямъ стакана....
Ужели эта кровь струиться будетъ вѣчно!..

ОХОТНИКЪ.

Что говоришь? Ты потерялъ рассудокъ.

МАНФРЕДЪ.

Та кровь—есть кровь моя—источникъ чистый,
Бѣжавшій въ жилахъ нашихъ древнихъ предковъ
И въ насъ самихъ въ дни юности кипѣвшей....
Когда мы были молоды и чисты,
И сердце въ насъ однимъ желаньемъ билось,
Когда любили сильно мы другъ друга—
Источникъ пролить былъ, и капли крови
Поднявшись вверхъ, забрызгали собою
Всѣ облака, и облака закрыли
Мнѣ путь на небеса и въ ту обитель,
Гдѣ нѣтъ тебя, гдѣ я не буду вѣчно.

ОХОТНИКЪ.

Ты странный человекъ. Твое страданье
Быть можетъ тяжело, невыносимо,
Но для тебя осталось утѣшенье
Въ несчастіи: терпѣнье и молитва.

МАНФРЕДЪ.

Терпѣніе, терпѣніе! Вотъ слово,
Которое придумали для вѣчныхъ,
Тупыхъ скотовъ, но не для хищныхъ тварей...
Толкуй о томъ другимъ, себѣ подобнымъ,—
Я не похожъ ни въ чемъ на васъ...

ОХОТНИКЪ.

Ей Богу,

Не помѣнялся бъ мѣстомъ я съ тобою
За славу самого Вильгельма Телля;
Но ты страдать безъ ропота не можешь:
Въ страданьѣ гнѣвъ безсиленъ и напрасенъ.

МАНФРЕДЪ.

Но развѣ я не выношу всѣ скорби?
Вѣдь я живу—и этого довольно.

ОХОТНИКЪ.

Такая жизнь ужаснѣй всѣхъ терзаній.

МАНФРЕДЪ.

Скажу тебѣ, мой другъ—живу я
Ужъ много долгихъ лѣтъ, но эти годы
Не значать ничего въ сравненіи съ тѣми,
Которые еще прожить мнѣ нужно.
Я буду жить вѣка, всю вѣчность буду
Томиться на землѣ желаньемъ смерти,
И все же смерть сойдти ко мнѣ не смѣетъ.

ОХОТНИКЪ.

Но по лицу твой ранній возрастъ видѣнь:
Ты—среднихъ лѣтъ, а я гораздо старше....

МАНФРЕДЪ.

Ты думаешь, что наша жизнь зависитъ
Отъ времени? Нѣтъ, мы отъ дѣлъ старѣемъ.
Мои дѣла моимъ существованьемъ

Владѣли постоянно; дни и ночи
 Отъ нихъ до безконечности тянулись
 И стали такъ похожи межъ собою,
 Какъ мелкія песчинки средъ пустыни.
 Жизнь для меня—пустынный дикій берегъ,
 Гдѣ стонуть волны, пылью разсыпаясь,
 И изъ себя выбрасываютъ только
 Обломки скалъ и бѣлые скелеты...

Охотникъ.

Рехнулся онъ; его я не оставлю.

Манфредъ.

О, еслибъ я съ ума сошелъ? Тогда бы
 Мои видѣнья были только бредомъ.

Охотникъ.

Что жъ видишь ты, или думаешь, что видишь?

Манфредъ.

Я вижу самого себя, и рядомъ
 Тебя съ собою вижу я, охотникъ.
 И вижу твой гостепріимный домъ я,
 Твой кроткій духъ, терпѣнье, силу вѣры,
 Твое здоровье, сонъ покойный ночью,
 Опасные труды, оружіе охоты,
 Не видѣвшее крови преступлений,
 А въ будущемъ — незлобивую старость
 Съ душистыми цвѣтами на могилѣ,
 Которую оплачутъ горько внуки,—
 Все это вижу я; въ себѣ жъ самомъ я
 Не вижу ничего. Во мнѣ убиты
 Давно надежды, мысли и желанья.

Охотникъ.

А ты бъ хотѣлъ со мною помѣняться
 Своею участью?

Манфредъ.

О нѣтъ, не думай!
 Я на обманъ подобный неспособенъ.

И ни съ однимъ изъ смертныхъ не хотѣлъ бы
Мѣняться долею. Существоватье,
Которое нести лишь мнѣ по силамъ,
Другихъ убило бы и въ самой грезѣ,
И мукъ моихъ въ минутномъ сновидѣннѣ
Не вынесъ бы никто.

Охотникъ.

Но ты скажи мнѣ:
Съ участіемъ такимъ къ судьбѣ несчастныхъ,
Ужели могъ тяжелымъ преступленьемъ
Ты запятнать себя? Нѣтъ, я не вѣрю!
Съ такой душой едва ли ты способенъ
Убить врага изъ ненавистной мести.

Манфредъ.

О, нѣтъ,—мои проклятія ложились
На тѣхъ людей, которыхъ лишь любилъ я,
Которые меня любили тоже.
Враговъ я не щадилъ лишь только въ битвѣ,
Для нихъ я въ жизни вовсе не былъ страшень,
Но былъ, какъ ядъ, ужасень и смертеленъ
Мой поцѣлуй для тѣхъ, кого любилъ я.

Охотникъ.

Пусть Богъ спасетъ тебя и успокоитъ,
Раскаяньемъ смиривъ и умъ и сердце,
Я жъ за тебя молиться буду небу.

Манфредъ.

Оставь; не нужны мнѣ твои молитвы,
Участіе жъ твое не отвергаю.
Прощай; вотъ золото — не откажи же
Мнѣ въ благодарности, но вслѣдъ за мною
Не слѣдуй ты — дорога мнѣ знакома,—
Прошу опять—за мною не ходи ты.

(Уходитъ).

СЦЕНА II-я.

(Низменная долина въ Альпахъ. Водопадъ).

Манфредъ.

До полдня далекó еще, а солнце
 Зажгло огнями брызги водопада
 И разноцвѣтной радугою блещеть,
 А со скалы серебрянымъ каскадомъ
 Бѣжитъ потокъ, сверкая млечной пѣной,
 Какъ бѣлый конь съ своей косматой гривой,
 Волшебный конь, несущій призракъ смерти.
 И я одинъ въ прекрасномъ мѣстѣ этомъ
 Любуюся картиной водопада.
 Но дѣву горъ я вызову—и съ нею
 Еще полнѣе будетъ наслажденье.
 Зову ее...

*(Зачерпываетъ на ладонь нѣсколько
 капель воды и бросаетъ ихъ въ воз-
 духъ, произнося заклинанiя. Дѣва
 горъ является въ радугѣ водопада).*

Духъ чистый и прелестный!

Твой ясный взоръ и кудри золотыя,
 И эготъ станъ, божественныя формы,
 Напомнившiя мнѣ земныхъ красавицъ —
 Ихъ красоты изящный первообразъ,—
 И щекъ твоихъ румянецъ вѣчно яркiй,
 Какъ цвѣтъ щеки невиннаго ребенка
 У матери заснувшаго съ улыбкой,—
 Какъ отблескъ розовый, которымъ солнце
 Румянитъ снѣгъ на ледникахъ прозрачныхъ
 Въ часъ вечера, когда земля стыдливо
 Цѣлуется зорю съ небесами,—
 Все, все въ тебѣ одной соединилось
 Въ какiя-то божественныя чары,
 И радуга, сверкающая въ краскахъ
 Теряется блѣднѣя предъ тобою!
 Прелестный духъ, котораго безсмертье
 Я на челѣ божественномъ читаю,

Прости меня за то, что я, сынъ праха,
Дерзающій бесѣдовать съ духами,
Тебя рѣшился вызвать силой власти,
Которая не всѣмъ дается въ мѣрѣ.

ДѢВА ГОРЬ.

Кто ты, я знаю, смертный; знаю также,
Гдѣ почерпнулъ ты силу власти тайной.
Я знаю: мысль тебя терзаетъ вѣчно;
Добро и зло твои волнуютъ страсти
Съ одною силою; всегда страдаая,
И въ жизнь другихъ ты вносишь лишь страданья.
Ты звалъ меня; скажи — чего же хочешь?

МАНФРЕДЪ.

Взглянуть на красоту твою — и только.
Жилецъ земли — на ней я обезумѣлъ
И сталъ искать внутри ея — отвѣта,
Проникъ въ пріютъ духовъ ея подземныхъ,
Но мнѣ они помочь не въ состояннн,
Чего просилъ — мнѣ дать они не въ силахъ.
Теперь отъ нихъ не жду ужь ничего я.

ДѢВА ГОРЬ.

Но развѣ есть такая просьба, смертный,
Которой духи могутъ не исполнить?

МАНФРЕДЪ.

Да, есть одна... Но для чего же буду
Я говорить! вѣдь это бесполезно.

ДѢВА ГОРЬ.

Для насъ неисполнимыхъ нѣтъ желаній.
Скажи мнѣ все...

МАНФРЕДЪ.

Хоть это будетъ трудно,
Но я скажу: мнѣ скорбь моя дастъ силы.
Отъ раннихъ лѣтъ съ людьми я не сходился;
Ихъ взглядъ — мнѣ былъ чужой; ихъ честолюбье

Житейское меня не волновало;
 Цѣль жизни ихъ мнѣ не служила цѣлью.
 Мои страданья, радости, желанья
 Съ людскими расходились постоянно.
 Хотя носилъ я образъ челоуѣка,
 Но между мной и братьями земными
 Симпатій не было, и въ цѣломъ мѣрѣ
 Я близкаго не находилъ созданья...
 Была одна... о ней скажу я послѣ...
 Такъ, бѣгая людей вездѣ, въ пустыни
 Я уходилъ, вабирался на вершины
 Высокихъ скалъ, увѣнчанныхъ снѣгами,
 И упивался воздухомъ нагорнымъ,
 Гдѣ птица вить гнѣздъ себѣ не смѣетъ,
 Гдѣ никогда по голому граниту
 Не билась крылья слабыхъ насѣкомыхъ;
 А иногда кидался я въ пучину
 Кипучихъ волнъ сердитаго потока
 И прихотямъ волны я отдавался;
 То по ночамъ любилъ смотрѣть я въ небо,
 Теченье звѣздъ далекихъ наблюдая,
 Или слѣдя за блескомъ яркихъ молній;
 То я любилъ, подъ плачь вѣтровъ осеннихъ
 Смотрѣть, какъ листья желтые летаютъ.
 Такъ жизнь моя и юность проходили;
 Когда жъ, порой, мнѣ люди попадались —
 Я собственнымъ ничтожествомъ томился
 И самъ себя я чувствовалъ тѣмъ прахомъ,
 Въ который обратятся эти люди.
 Тогда сходилъ я въ темныя пещеры,
 Въ жилище смерти, и ея начало
 Я разгадать старался на могилахъ,
 Гдѣ черепа съ скелетами нѣмыми
 Загробныя мнѣ раскрывали тайны,
 Я много лѣтъ наукъ предавался
 Таинственной, магической наукѣ,
 Теперь забытой всѣми. Рядъ тяжелыхъ
 И страшныхъ испытаній и лишеній,
 Упорный трудъ среди ночей безсонныхъ
 Мнѣ дали власть приказывать стихіямъ,
 Повелѣвать незримыми духами
 И проникать въ невѣдомую вѣчность,
 Подобно древнимъ магамъ знаменитымъ,
 Иль мудрецу, умѣвшему въ Гадарѣ
 Вдругъ вызвать, какъ тебя я вызвалъ нынче,

Изъ волнъ морскихъ незримаго Эроса...
 Такъ съ знаніемъ росла и жажда знанья,
 Мой гордый умъ блисталъ такою силой,
 Такою властью, что...

ДѢВА ГОРЬ.

Что? продолжай же.

МАНФРЕДЪ.

Мнѣ тяжело тревожить раны сердца,
 А потому я длгь рассказъ нарочно
 И съ умысломъ себя превозносилъ я...
 Но, продолжаю дальше. Въ цѣломъ свѣтѣ
 Я близкихъ не имѣлъ, не зналъ любимыхъ
 Отца и мать, любовницу иль друга,
 Съ которыми я былъ бы чувствомъ связанъ,
 И если бы такихъ я даже встрѣтилъ,
 Я въ нихъ бы не повѣрилъ... Только въ жизни
 Была одна... она...

ДѢВА ГОРЬ.

Будь безпощаденъ
 Къ себѣ, и продолжай...

МАНФРЕДЪ.

Она похожа
 Была со мной — во многомъ. Тотъ же голосъ,
 Черты лица, глаза, и тѣ же кудри,
 Но только все сверкало красотою
 Особенной, которой нѣтъ сравненья.
 Какъ и во мнѣ, въ ней мысли были тѣ же—
 Далекія отъ міра; съ той же жаждой
 Она наукъ тайной предавалась,
 И умъ ея пылливый, столь же сильный
 Могъ властвовать надъ цѣлою всеенной,
 Но были въ ней та мягкость, состраданье,
 Которыхъ не имѣлъ я; были слезы,
 Мнѣ незнакомыя; та нѣжность сердца,
 Лишь для нее которую сберегъ я,
 А въ ней для всехъ она была открыта.
 Ея ошибки были и мои,

Но добродѣтели принадлежали
Одной лишь ей. Любя ее безумно,
Я погубилъ ее.

ДѢВА ГОРЬ.

Своей рукою?

МАНФРЕДЪ.

Нѣтъ, не рукою, но сердцемъ ядовитымъ
Разбилъ я это любящее сердце
И засушилъ. Я пролилъ кровь чужую,
Но не ея, а все же пролилася
И эта кровь... Не въ смѣхъ былъ спасти я,
Хоть видѣлъ все. .

ДѢВА ГОРЬ

И вотъ, для тѣхъ ничтожныхъ
Тобою презираемыхъ созданій,
Ты, просвѣтленный мудростью науки,
И чрезъ науку, равный съ нами, хочешь
Для слабаго созданія земного,
Пренебрегая знаніемъ высокимъ,
Въ ничтожество земное обратиться!
Ты думалъ ли о томъ?

МАНФРЕДЪ.

О, дочь эмира!

Я говорю тебѣ, что съ той минуты...
Но что слова?.. одни пустые звуки.
Но еслибъ ты была всегда со мною,
Во снѣ и на яву, то ты узнала бь,
Что злыя фуріи мое уединенье
Уже давно, давно не покидаютъ.
Я скрежещу зубами темной ночью
И утра дожидаюсь; — день настанетъ,
И день я проклинаю вплоть до нѣчи.
Я умолялъ, чтобы угасъ мой разумъ,
Мнѣ отказали въ просьбѣ этой; съ воплемъ
Бросался я не разъ навстрѣчу смерти,
Въ борьбѣ стихій искалъ себѣ могилы,
Но разступались волны океана

Передо мной покорными рабами
 И гибель отъ меня бѣжала всюду.
 Мой злобный духъ безжалостной рукою
 На волоскѣ держалъ меня, но волосъ
 Нигдѣ и никогда не разрывался,
 Искать обмана я въ воображеньи,
 Въ мечтахъ своихъ, въ фантазїи капризной,
 Но тѣ мечты тревожныя, какъ волны
 На берегу морскомъ въ часы прилива
 Меня кидали въ бездну темной мысли.
 Бросаясь я и въ мїръ, навстрѣчу къ людямъ,
 Межъ нихъ искалъ хоть краткаго забвенья
 И не нашелъ. Все знанье, все искусство,
 Добытыя тяжелыми трудами,
 Все это вздоръ... Попрежнему живу я
 Съ отчаяньемъ — и нѣтъ ему исхода.

ДѢВА ГОРЬ.

Я, можетъ быть, помочь тебѣ могла бы?

МАНФРЕДЪ.

Но для того должна ты вызвать мертвыхъ,
 Или къ нимъ теперь меня свести въ могилу.
 Что жъ! я готовъ на новое страданье,
 Когда бъ оно послѣднимъ только было...

ДѢВА ГОРЬ.

Не властна въ этомъ я, но если хочешь,
 Чтобы сбылись теперь твои желанья—
 Дай клятву мнѣ во всемъ повиноваться.

МАНФРЕДЪ.

Повиноваться? мнѣ? духамъ подвластнымъ?
 Рабамъ, обязаннымъ служить мнѣ всюду?
 Нѣтъ, никогда предъ ними не склонюсь я.

ДѢВА ГОРЬ.

Ты такъ рѣшилъ? Но погоди немного,—
 Одумайся.

МАНФРЕДЪ.

Я все сказалъ.

ДѢВА ГОРЬ.

Мнѣ можно

Тебя теперь оставить?

МАНФРЕДЪ.

Можешь.

(Дѣва горь исчезаетъ).

МАНФРЕДЪ.

Всѣ мы —

Игрушка времени и страха. Годы
 Проходятъ передъ нами незамѣтно,
 Но каждый годъ хоть что-нибудь уноситъ
 Отъ насъ, и мы живемъ, скучая жизнью,
 И смерти опасаясь. Жизни иго
 Насъ тяготитъ, то радостью больною,
 То скорбью безконечной, то проклятьемъ
 Въ прошедшемъ и грядущемъ; не имѣемъ
 Мы настоящаго, и нѣтъ минуты,
 Въ которую — мы смерти не желали бъ,
 Но предъ которой все-таки трепещемъ,
 Боясь ея холодной, мертвой ласки,
 Хоть одного мгновенія довольно
 Чтобъ кончить съ жизнью разомъ. Остается
 Мнѣ лишь одно теперь — поднять изъ гроба
 Покойниковъ — и ждать отъ нихъ отвѣта:
 Чего боимся мы по смерти? Скажутъ,
 Быть можетъ, намъ: могилы! Что же? это
 Не страшно мнѣ... А если не отвѣтятъ?
 Но вѣдь пророкъ умершій отвѣчалъ же
 По вызову волшебницы Эндорской;
 Спартанскій царь свой приговоръ услышалъ
 Изъ предсказанья дѣвы византійской,
 Вотъ эта рѣчь: «онъ ту сгубилъ жестоко,
 Которую любилъ, и безъ прощенья
 За то погибъ, хоть призывалъ къ себѣ онъ
 Фиксійскаго Юпитера на помощь,
 Хоть умолялъ волшебниковъ Аркадскихъ —
 Просить себѣ прощенья и пощады
 Въ мольбахъ передъ разгнѣвannoю тѣнью».
 То предсказанье темное сбылося...

О, если бъ не жилъ я, она жила бы
Еще теперь; когда бы не любилъ я,
То ты, моею убитая любовью,
Еще бъ жила, сіяла и любила,
Неся другимъ и счастье и ласки....
А что она теперь? Святая жертва,
Страдалица чужого преступленья,
Иль то, о чемъ сказать себѣ боюсь я,
Иль, наконецъ, ничто. О, скоро, скоро,
Мои сомнѣнья разлетятся дымомъ,
Я жду со страхомъ рокового часа,
Хоть предъ духами добрыми и злыми

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

А П Р Ъ Л Ъ. ✓

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

—
1863.